

УДК 316:444

Е.И. Самофалова

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СТРУКТУРЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА**

Анализируется феномен социальных сетей применительно к образовательной миграции в высшем образовании. Рассматриваются различные теоретические концепции, особое внимание уделено концепции П.Бурдьё. На основе различных социологических исследований формируются основные аспекты приложения теории социальных сетей к образовательной миграции.

Ключевые слова: *социальные сети, социальный капитал, образовательная миграция.*

Исследование феномена образовательной миграции в мире приобретает все большую значимость. Это связано со многими факторами: глобализационными изменениями в обществе в целом, существующим в европейском сообществе принципом равенства в получении образования вне зависимости от страны проживания, реформами в образовательной сфере (например, Болонским процессом). Однако до сих пор пристальное внимание ученых привлекают в основном демографико-статистические (выяснение численности мигрантов в зависимости от страны, различные количественные характеристики: пол, возраст, выбираемые для обучения специальности) и психологические (адаптация мигрантов на новом месте) аспекты образовательной миграции. Социальные характеристики иностранных мигрантов зачастую игнорируются или приравниваются к психологическим. Между тем именно социальный аспект образовательной миграции может стать ключом к пониманию механизмов управления данным типом миграции и способов извлечения максимальной выгоды как для самого мигранта, так и для принимающей стороны.

В данной работе представлена попытка научного изучения социальных сетей, в которые включен образовательный мигрант, и их влияния на жизнь, учебу и психологическое состояние индивида. Акцент на высшем образовании призван прояснить степень влияния социальных сетей на студента, для того чтобы в дальнейшем стала возможна выработка необходимых мер для его успешной интеграции в принимающее сообщество, как университетское, так и общество в целом. При этом следует учитывать, что полученная информация сама по себе достаточно противоречива, что объясняется сложностью объекта изучения.

К сожалению, в своих исследованиях отечественные ученые пока мало затрагивали проблемы, связанные с социальными сетями, однако в мировой исследовательской литературе существует несколько концепций, описывающих социальные сети применительно к вузовскому образованию, причем са-

ми концепции достаточно сильно разнятся в зависимости от времени публикации статей. Поэтому для составления наиболее полного представления о социальных сетях в данной работе мы будем рассматривать феномен с нескольких точек зрения: как общесоциологическое понятие; как способ объяснения некоторых поведенческих и культурных особенностей студентов в контексте социологии образования и социологии миграции (мезоуровень), а также как социальный феномен, имеющий влияние на отдельного индивида – в данном случае имеются в виду социальные сети Facebook, vKontakte и прочие. Так как образовательный мигрант оказывается вовлеченным во множество социальных сетей различного уровня сложности и взаимовлияния, то их изучение может предоставить нам примерную картину его социальной жизни.

Итак, с точки зрения теоретической социологии социальные сети изучаются в основном в контексте структурного анализа и социометрии. Описание и основные функции социальных сетей можно найти, в частности, у К. Леви-Стросса, Р. Мертона, П. Холланда, Х. Уайта, М. Грановеттера и П. Бурдые. Также социальные сети вписываются в концепции информационного развития общества и различные модернистские теории, например, данное понятие встречается в работах М. Кастельса, Ф. Фукуямы, Э. Тоффлера. В отечественной социологии изучением феномена занимались, в частности, Р.Н. Абрамов (концепция социальных структур в информационном обществе), И.Г. Пригожин (исследование сетевого общества), Н.В. Романовский и А.Д. Мальцева, а также Г.В. Градосельская (сетевые теории и измерения в современной социологии). В общем случае под социальными сетями понимаются «связи различной плотности и интенсивности индивидов и групп» [1].

Социальные сети, по сути, являются связующим звеном между всеми областями жизни общества, так как человек изначально является социальным существом. Так, в трехфакторной модели социального капитала Р. Патнэма (нормы взаимности, доверие между индивидами и социальные сети) отмечается, что уровень социальной поддержки и поощрения в основных социальных сетях индивида (семья, друзья, коллеги) влияет на уровень процветания страны, уровень демократии и общую стабильность. Различные девиантные социальные группы и сети появляются для решения необходимых социальных проблем, которые невозможно решить в одиночку [2]. Социальные сети также влияют на экономическую сферу жизни общества, в частности на рынок труда. Успешность карьеры и социальное признание определяются размером социальной сети, в которую включен индивид [3].

С другой стороны, с точки зрения Н. Пуvara, существующее доминирование в мире западной культуры, провозглашающей универсализм целей и возможностей, приводит к феномену эксклюзии среди национальных меньшинств. При этом базисно присутствующий в социальных сетях механизм эксклюзии отрицается на соматическом уровне как нечто не толерантное, не существующее в современном обществе (особенно это заметно в данный момент в странах Европы и США). При этом люди живут не по декларируемым в данном обществе социально-культурным нормам толерантности, но в соответствии с неким чувством соревновательности в обществе (чего именно Я могу достичь) и в соответствии с регулируемыми благами и доступом к социальной ценностной иерархии [4].

Глубокий анализ социальных сетей и их взаимосвязь на макро- и микроуровнях социологии предложил М. Грановеттер. Он рассматривал социальные сети как связующее звено между поведением отдельного индивида и действиями системы, утверждая, что наличие в сетях сильных и слабых взаимосвязей влияет одновременно на получение индивидом личного опыта и на расширение и усложнение структуры общества. При этом именно слабые социальные связи (например, различные посредники, дальние знакомые и т.п.) формируют общую сплоченность и интеграцию индивида в общественный порядок, в то время как сильные связи (семья, друзья) скрепляют отношения в узком кругу, однако способствуют разобщенности в большом ареале общественной жизни [5].

Отечественные ученые в своих исследованиях в основном не касаются макроуровня социологии при изучении социальных сетей, ограничиваясь либо передачей общих представлений о феномене для различных учебников, либо используя социальные сети как инструмент для практического анализа точечных аспектов общественной жизни (в основном интернет-сетей). Тем не менее в общей работе В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкиной и С.Н. Чуканова была сделана попытка представления системного анализа социальных сетей на всех уровнях сложности, а также моделирования различных типов алгоритмов для их изучения, в основном для сложных сетей, включая анализ программного обеспечения для наглядной визуализации процессов [6]. При этом авторы признают недостаточность и комплиментарность сведений о социальных сетях и их структурах. В свою очередь, Д.А. Артимович и В.Г. Пузиков рассматривают социальные сети в контексте социального пространства, предлагая интересную типологию для классификации сетей, сравнимую с компьютерными сетевыми устройствами и моделями. Так, по их мнению, социальные сети имеют несколько базовых конструкций в зависимости от положения лидера, ключевых агентов сети и ее рядовых членов: «шина», «звезда», «точка-точка», «кольцо» и «решетка» – последняя обладает наибольшей степенью устойчивости и производительности из-за отсутствия явного лидера [7].

Обратимся далее к описанию механизмов работы социальных сетей на мезоуровнях, в том числе в социологии образования и миграции. Относительно данной работы концепция социальных сетей оказывается применима и к теории социального капитала П. Бурдьё [8]. Помимо собственно социологической теории, ученый уделял большое внимание социологии образования, поэтому используемые им ключевые понятия легко приложимы к целям нашего исследования. Так, уже в определении ключевого понятия теории – социального капитала как «агрегации действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний» [9] подчеркивается сетевой характер социальных отношений, взаимосвязь между индивидами (актерами или агентами), которая является ключевой при любом типе взаимодействия. Социальные сети, в которые включен индивид, открывают доступ к различного рода ресурсам, позволяя, в свою очередь, набирать и увеличивать различные типы капиталов (социальный, культурный, символический), и таким образом осознанно или даже бессознательно фор-

мируют степень успешности индивида в жизни, его социальный статус, социальные блага и систему взаимовыгод. Следует учитывать, что капиталы конвертируются друг в друга в зависимости от цели и способов получения необходимой информации, а также свойств сетей, которые при этом задействованы. Более того, с точки зрения П. Бурдьё, наиболее значимым является не столько экономический аспект капитала (как считалось ранее, например, с точки зрения марксистских теорий), сколько именно доступ к социально-культурным ресурсам и достижениям, а также значимость этих достижений для социальных сетей, в которые включен индивид (актор). Взаимосвязь между социальными сетями и необходимыми для достижения цели ресурсами имеет взаимовыгодный характер, когда качественный или количественный прирост одной компоненты влечет за собой изменение в структуре другой. Логично предположить также, что у индивидов с большим количеством сетевых взаимосвязей больший социальный капитал, чем у индивидов с маленьким кругом общения [10. Р. 876]. Таким образом, для Бурдьё социальный капитал и социальные сети, а также вопросы членства и инклюзии-эксклюзии в этих сетях оказываются ключевыми для понимания процессов общественной жизни.

Данное описание применимо не только к общей теории социологии, но и к частным случаям, например к системе взаимодействия мигрантов с принимающим сообществом. Так, в исследовании М. Цедерберг, выполненном в том числе на основе теории П. Бурдьё, выявлены тенденции формирования особого социального класса высокообразованных мигрантов, которые оказываются исключены из коллегальных социальных сетей на местах их работы вследствие механизма эксклюзии [11. Р. 61]. М. Цедерберг утверждает, что существующие в обществе нормы эксклюзии по отношению к чужакам провоцируют, с одной стороны, механизмы защиты собственных социальных сетей мигрантов от вторжения извне (например, создаются закрытые коммуны с эффектом изоляции от окружающей среды из-за боязни каких-либо расистских действий), но, с другой стороны, стремление членов сети к добыванию необходимых для жизни ресурсов закрывает для них путь к достижению социальных успехов и успехов в коммуникации с принимающим сообществом и их социальными сетями. Собственных же ресурсов для успешной интеграции мигрантам обычно не хватает. Исследования подобного рода применимы и к образовательной миграции, так как там действуют те же механизмы.

Вообще, вопрос ассимиляции образовательных мигрантов в принимающее сообщество достаточно сложен и противоречив. Так, согласно исследованию М. Виндзио и Э. Бикра, взаимосвязи в социальных сетях и сегрегация в этнических сетях в раннем периоде жизни могут оказать большое влияние на иммигранта [12]. Большое значение имеют понятия о цене успеха (ученые выделяют высоко и низко оцениваемые уровни успеха в иной для мигранта социальной среде [12. Р. 124–125, 137]) и вера в возможность достижения намеченной цели, которые перекликаются с этническими сегрегациями. Однако в то же время этнические границы формируют степень социальных взаимосвязей и противопоставляются им. Если же мигрант все-таки ассимилируется в сообщество, то это автоматически означает нарушение границ собственной идентичности и некоторое насилие над собственной личностью. Именно поэтому подавляющая часть образовательных мигрантов во время

учебы образуют собственные закрытые сообщества и не особо стремятся влиться в общую студенческую среду, несмотря на все предоставляемые им для этого условия.

В своей работе М. Виндзио и Э. Бикра анализируют школьные социальные сети, устанавливая этнические границы и формируя ценностную шкалу степеней взаимодействия между учениками: первый этап – это просто дружеские отношения, затем проведение времени вместе после школы, визиты домой (обычно к ребенку из принимающего сообщества) и, наконец, близкое знакомство с родителями. Данную шкалу с известными возрастными оговорками можно применить и к системе высшего образования: если образовательный мигрант решит все же ассимилироваться в студенческую социальную среду, он неизбежно будет проходить через данные этапы проникновения в социальную сеть применительно к ситуации: знакомство, завязывание дружеских отношений, время, проводимое вместе после учебы, возможные романтические отношения.

Феномен социальных сетей можно также применить к теории полей П. Бурдьё. Так как любое поле корригируется «через определение ставок [игры] и специфических интересов, несводимых к ставкам и интересам, свойственным другим полям» [13], то предполагается, что социальные сети участников полей также различны. Для успешного взаимодействия со структурой чужого поля необходимо не только принять его законы и формы функционирования, но и проникнуть в структуру социальной сети действующих в ней агентов. Только тогда приобретаемый в этих действиях капитал обретет ценностную форму и позволит агенту накопить необходимые для него ресурсы и повысить собственный статус (т.е. в нашем случае занять новое, более привилегированное место в первичной социальной сети и обрести устойчивое положение в новой университетской структуре). Подтверждением данного высказывания может служить модель студенческой интеграции, когда абитуриент постепенно вливается в университетскую среду, приобретая новое социальное положение, статус и формируя вокруг себя новую систему взаимоотношений. Однако проблемой в данном случае могут стать, например, социально-культурные и языковые характеристики образовательного мигранта, когда его социальная сеть отличается от студенческой социальной сети не только на ценностном, но и на понятийном уровне.

Кроме того, вся система существования полей может определяться характеристиками социальных сетей агентов этих полей. Во-первых, с точки зрения П. Бурдьё, участники поля объединены друг с другом «общим набором фундаментальных интересов, а именно тех, что связаны с существованием самого поля» [13], что является одной из ключевых характеристик социальной сети (например, основным интересом социальной студенческой сети является стремление получить высшее образование). Во-вторых, все процессы, происходящие в поле: социальные конфликты, различные аспекты участия-неучастия в определенных действиях, направленных на воспроизводство поля (например, участие студента в научных конференциях или поддержание студенческих традиций), механизмы достижения статуса, положения, получения ценностной оценки определяются положением агента в собственной социальной сети, с одной стороны, и механизмами действия социальной сети

самого поля, с другой. Если обращаться к образовательной миграции, то это можно проиллюстрировать на примере вхождения мигранта в социальную среду университета. То место, которое он там займет, будет определяться несколькими факторами: положением в социальной сети соотечественников, стремлением занять хорошее место в студенческой среде в целом, а также собственным набором характеристик мигранта – объемом полученных и получаемых знаний, степенью коммуникабельности, знанием языка обучения и т.п., которые, в свою очередь, также неизбежно определяются социальной сетью, в которой мигрант существовал до поступления в университет.

Можно также вспомнить саму систему преподавания в университете, как о ней говорил П. Бурдые. Как известно, с его точки зрения, эта система представляет собой набор социальных оппозиций, которые в своем взаимодействии все больше закрепляют иерархический характер образования и классовую систему. При этом принципы этого закрепления обычно имплицитны и находятся вне рамок обсуждения участников социальной сети [14]. В таком случае, если возможны и негласно одобряются университетским сообществом иерархическая структура факультетов, различные социальные границы между преподавателями и студентами, а также просто между студентами, гендерное разделение, то деление по национальному или территориальному признакам также имеет место быть. При этом образовательный мигрант изначально ставится на более низкие позиции по отношению к коренному жителю (студенту), что способствует возникновению различных механизмов эксклюзии, девиации и подобных, даже несмотря на некоторые привилегии, которые могут предоставить образовательному мигранту при поступлении в университет (например, в некоторых случаях у иностранного студента есть персональный куратор). Различие в данном случае происходит не по внешним признакам, но на психологическом уровне: «Этот студент – иногородний, а значит – не наш».

Социальные структуры университета и различные степени взаимосвязей между группами ученых и студентов изучал не только П. Бурдые. Так, еще до появления его теории полей Ноа Э. Фридкин в своей работе «Социальная структура университета и социальные сети между учеными» (1978) [15] подробно рассматривал морфологию социальных сетей в высшем образовании, утверждая, что набор паттернов в этих сетях может быть различным для разных аспектов знаний. Существование этих паттернов формирует и укрепляет моральный консенсус между учеными и способность их к коллективным действиям на благо науки [15. Р. 1445]. Определение морального консенсуса вполне применимо к реалиям нашего времени и для изучения образовательной миграции, особенно в условиях достижения морального равновесия между мигрантами и принимающим сообществом в единой социальной сети. Это можно проиллюстрировать, например, обратившись к международной научной студенческой деятельности, когда опыт и знания другой страны используются крайне редко в силу незнания языка.

Н. Фридкин также выделял три характеристики университетской сети: плотность, компактность и когезию (связность элементов между собой) [15. Р. 1447], причем плотность выносил на первое место, объясняя это возможными научными успехами ученой среды в целом (т.е. от того, как ученые

взаимодействуют друг с другом в собственной социальной сети, зависят их научные достижения). Также университетская социальная структура может способствовать когезионным возможностям мультидисциплинарных исследований и одновременно формировать университетскую элиту. У образовательных мигрантов в данном случае шанс попасть в эту элиту достаточно невысок и может достигаться только через выдающиеся интеллектуальные способности или через наличие большого количества ценных личных взаимосвязей в социальной сети.

При этом, исходя из исследований Н. Фридкина, информация в университетских социальных сетях лучше всего транслируется и передается, когда только пара человек из сети контактирует с какими-либо небольшими группами, частями другой сети или какими-либо ресурсными объектами. Возможно предположить, что для достижения максимального уровня успеха в своей деятельности образовательные мигранты должны использовать не столько свой собственный потенциал, но опираться на мнение и информацию, транслируемую уважаемыми членами их социальной сети. В свою очередь, предполагается, что лидеры социальной сети должны тщательно отбирать и фильтровать получаемые ими извне сведения, транслируя своим коллегам самое необходимое.

Для более пристального изучения моделей интеграции образовательного мигранта в университетскую среду можно обратиться также к работе Л. Томаса и А. Скотта, использующих социальный сетевой подход для изучения степени интеграции студентов-первокурсников в социальную студенческую сеть и достижения ими уверенности в собственных силах [16]. В результате исследования, проведенного учеными, выяснилось, что социальный статус играет в социальной студенческой среде значимую роль. Также значима роль лидера сети, так как концепция лидерства лежит в основе социальной студенческой структуры; именно лидер провоцирует степень интегрированности других членов сети в группу. При этом способность адекватно оценивать собственную степень интеграции в группу способствует достижению более уверенного контроля над связями в группе и субгруппами, в которых вращается студент. Подобные социальные структуры затем интегрируются в обычную эмпирическую модель взаимоотношений. Все это оказывает ключевое влияние на упорство, настойчивость студента в достижении поставленных целей.

Обращаясь к целям данной работы, можно предположить, что позиции образовательных мигрантов в социальной студенческой среде будут более низкими, чем у «домашних» студентов. Этому способствует множество факторов: этническая сегрегация, низкий уровень знания языка, культурные особенности личности образовательного мигранта и т.п. Позиция лидера общей социальной сети для него практически недоступна по этим же причинам; исключение составляет изначально поликультурная социальная сеть, где собраны студенты из разных стран в примерно равном количестве (такое возможно при различных образовательных курсах или международных стажировках), – тогда достижение позиций лидера будет зависеть в большей степени от личных качеств, ведь у данной социальной сети не будет национальных корней. При этом достижение приемлемого для образовательного мигранта социаль-

ного статуса в социальной среде естественно повлияет на его возможности и способы достижения поставленных целей.

Далее Л. Томас и А. Скотт обращались к изучению феномена собственно академической интеграции студента [16. Р. 600]. По их мнению, она измеряется следующими индикаторами: 1) степенью увеличения удовлетворения студента от собственных академических успехов и 2) степенью того, как эти успехи соотносятся с его идеалами об учебе. Обращаясь к образовательной миграции, можно констатировать, что в нашей стране, судя по результатам многочисленных социологических исследований¹, степень удовлетворенности студентов-мигрантов успехами в учебе невысока². Это связано с несколькими аспектами:

- недостаточным знанием языка – отсюда проблемы с получением и трансляцией знаний;

- недостаточной мотивацией самого студента на получение знаний – многие образовательные мигранты приезжают учиться по различным программам обмена и изначально мотивированы на успех, однако мотивация пропадает после столкновения с социальной университетской средой;

- недостаточной интеграцией в социальные студенческие сети – замкнутость сообществ образовательных мигрантов на самих себе провоцирует недостаток знаний по изучаемым предметам, однако восполнить их неоткуда, так как участники сети практически не контактируют с другими студентами;

- недостатком внимания преподавателей к образовательным мигрантам – стремлением преподавателей отчитать курс, не задумываясь о полученных результатах;

- недостаточной материально-технической оснащенностью университетов.

При этом выводы, сделанные Л. Томасом и А. Скоттом, универсальны для любой социальной студенческой сети [16. Р. 608]: так, академическая интеграция прямо влияет на социальные намерения студента, связанные с социальной интеграцией, и одновременно повышает чувство уверенности в себе. Положение студента в социальной структуре имеет важнейшее влияние на его витальные и социальные потребности, а также уверенность в себе и успехах в учебе. Таким образом, образовательный мигрант в случае неуспешной академической интеграции автоматически чувствует себя неуверенным в основных аспектах своего социального существования в данной социальной сети.

Однако следует учитывать, что академическая интеграция не всегда оказывается ключевым фактором достижения поставленной цели и успешной социализации. Например, П.А. Ногурэс, при изучении азиатских студентов в США и их успехов по сравнению с американскими и латиноамериканскими студентами утверждает, что азиатские студенты-мигранты (особенно китай-

¹ Например, исследования, связанные с адаптацией мигрантов, А.Г. Ларина, С.В. Дементьевой и Е.В. Гинятовой, Е.Ю. Кошелевой, посвященные лингвистическому аспекту работы З.Ф. Назырова, Н.И. Ушаковой, О.Н. Тростинской и Е.В. Копыловой, исследования социологического портрета образовательного мигранта Е.Ю. Новиковой, Е.Ю. Кошелевой и Е.И. Самофаловой.

² Данное утверждение относится к тем группам образовательных мигрантов, для которых русский язык не является родным или хотя бы разговорным. Проблема незнания языка в данном случае – ключевая.

цы) более способны к достижению целей и более нацелены на результат, нежели домашние «расслабленные» студенты [17]. Объяснить, почему студенты-мигранты одновременно более успешны в достижении целей и одновременно хуже академически, по его словам, пока невозможно. Также необъяснимо, как социальная идентичность и академические достижения взаимосвязаны с интеракцией с другими этническими меньшинствами и их социальными сетями.

Впрочем, образовательные мигранты при желании могут добиваться как социальных, так и академических успехов одновременно. Так, как показывают результаты различных исследований¹, студенты, позиции которых изначально были неравны с остальными членами социальной сети (а образовательные мигранты относятся к таковым), обнаруживают тенденцию к достижению маленьких, но ключевых для них преимуществ, которые впоследствии ведут к большим социальным изменениям в группах; они также стремятся перейти от взаимодействия в маленьких «внутренних» социальных сетях к большим, внешним. По словам П. ДиМаджио и Ф. Гарипа [18. Р. 94], это обусловлено следующими факторами:

- ценностью ресурсов внешней социальной сети – данный тип ресурсов обладает большим социальным весом и значимостью;

- самим поведением студента (например, стремлением получить степень в колледже), а также транзакциями, которые он совершает (сюда относятся образовательные миграции), и специальными практиками (использованием различных эффективных технологий для перемещения, включая интернет-сети);

- возможностями для успешной социальной адаптации, которые одновременно являются и самостоятельной функцией индивида и попыткой проникнуть в социальную сеть, повторить за друзьями, которые уже освоили данную практику. Передача практики может происходить как между двумя акторами, так и между актором и социальной сетью в целом; при этом необходимо, чтобы сами акторы были свободны и готовы к механизму воспроизводства-передачи информации, а также наличием однородной социальной сети.

Таким образом, для образовательного мигранта успешным можно считать перемещение из узкой социальной сети соотечественников в широкую студенческую социальную сеть, если он действительно обладает знаниями, возможностями и способностями для успешного функционирования в ней, правильно и адекватно себя позиционирует и уже имеет в этой сети друзей или знакомых, могущих помочь ему занять соответствующее место в сети.

П. ДиМаджио и Ф. Гарипа также вводят в научный тезаурус эффект хомофилии [18. Р. 97–98], т.е. способности индивида формировать социальные сети именно с теми людьми, которые подходят ему по экономическим и культурным показателям. В данном случае социальные сети «домашних» студентов и образовательных мигрантов различаются уже на начальном этапе, поэтому мигрантам сложно попасть в общую студенческую сеть – для этого необходимо постижение культурных практик принимающей стороны, которые являются ключевыми для осознания и принятия новых социальных

¹ Например, исследования Л. Томаса и А. Скотта, П. ДиМаджио и Ф.Гаррипа, Н.И.Ушаковой и И.Н. Шульги и др.

практик. В этом им во многом помогает сама университетская среда, обладающая эффектом хомогамии [18. Р. 97] – способностью формировать образовательно-однородные социальные сети. Тем не менее возникает вопрос о цене приобретаемой практики (затрате материальных и временных ресурсов) и сетевого эффекта, который в конечном счете мигрант может получить.

Сетевой эффект, по мнению П. ДиМаджио и Ф. Гарипы, обладает тремя главными особенностями [18. Р. 97]: наличием локальных социальных сетей, откуда черпаются необходимые практики, возможностью к социальному обучению членов сети, а также нормативным влиянием. Учитываются также возможные риски, социальные санкции за невыполнение поставленных задач или несоблюдение норм. Это означает, что образовательный мигрант для достижения какой-либо практики (например, стать полноправным членом группы сокурсников) должен будет получать помощь из нескольких источников: других членов группы, различных социальных сетей меньшего размера, чем сеть сокурсников (дружеские сети, возможно, преподавательские сети), и различных поведенческих норм или стандартов, которые необходимы для членства в группе (групповых традиций, различных нормативных действий членов группы и т.д.).

И, наконец, обратимся к рассмотрению социальных сетей как особого вида сетевой деятельности и участия в них образовательных мигрантов. Данный аспект довольно широко обсуждается как западными, так и отечественными учеными. Среди исследований можно выделить несколько групп:

- исследования о различных механизмах воздействия интернет-сетей на поведение индивида;
- исследование интернет-сетей как механизмов социальной адаптации и различных форм коммуникации;
- практическое использование интернет-сетей в высшем образовании как одного из инструментов для обучения.

Для целей нашей работы интересно исследование С. Валензуэлы, Н. Парка и К.Ф. Ки о соотношении социального капитала и социальных интернет-сетей (на примере сети Facebook) [10]. Изучая степень участия студентов в социальных сетях, ученые приходят к выводу о том, что социальный капитал – это многомерный конструкт, базирующийся в наше время именно на интернет-сетях и эффектах от них и включающий в себя уровень удовлетворенностью жизнью в целом, а также уровень гражданской и политической активности, и степень социального доверия индивидов друг к другу. В зависимости от того, сколько времени индивид проводит в социальных сетях и какими сайтами пользуется, уровень его социального капитала и степень участия в реальных социальных сетях возрастает или понижается (например, если не используется прямой контакт лицом-к-лицу, то уровень социального капитала у индивида обычно снижен) [10. Р. 878]. Таким образом, по отношению к образовательным мигрантам интернет-сети могут сыграть двоякую роль: с одной стороны, участие в них иностранного студента значительно повысит его социальный капитал и включенность в студенческие социальные сети (особенно если посещаемые сайты будут на языке принимающей стороны), с другой стороны, может, наоборот, увеличить социально-культурный разрыв между ним и остальными студентами.

Таким образом, исходя из всех вышеперечисленных аспектов приложения социальных сетей к образовательной миграции, можно сделать несколько выводов:

- образовательный мигрант неизбежно включается в различные типы социальных сетей: общеуниверситетскую, студенческую, групповую и различные дружеские сети;
- степень взаимодействия этих сетей между собой зависит как от объективных, так и от субъективных причин; уровень социального капитала в них также различен;
- для успешной интеграции в социальную среду образовательный мигрант обязан приобрести необходимый социальный, культурный и символический капитал, а также перенять необходимые практики;
- социальная и академическая интеграция образовательного мигранта относятся между собой, однако уровень академической интеграции – это далеко не всегда ключевой фактор для образования мигранта;
- включенность образовательного мигранта в интернет-сети также может влиять на уровень его социального капитала.

Литература

1. *Исаев Б.А.* Социология: краткий курс: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.k2x2.info/obshestvoznanie/sociologija_kratkii_kurs/index.php (дата обращения: 07.02.2014).
2. *Putham R.* Bowling alone: America's declining social capital // *Journal of democracy* 1995, № 6 (1). P. 65–78.
3. *Giulia La Matina.* Conflict migration and social networks: empirical evidence from Sri Lanka // *Rivista di Pilitica Economica*, November–Dicember 2008. P. 161–193: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rivistapoliticaeconomica.it/2008/nov-dic/pdf/Lamattina_en.pdf (дата обращения: 07.02.2014).
4. *Puwar N.* The radicalized somatic norm and the senior civil service // *Sociology*. 23 (3). 2001. P. 651–700.
5. *Грановеттер М.* Сила слабых связей: пер. с англ. З.В. Котельникова // *Экономическая социология*. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–51.
6. *Давыденко В.А., Ромашкина В.А., Чуканов В.С.* Моделирование социальных сетей // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2005. № 1. С. 68–79.
7. *Артимович Д.А., Пузиков В.Г.* Социальная сеть как новая форма организации социального пространства // *Вестник Сибирского института бизнеса и социальных технологий*. 2012. № 1. С. 70–73.
8. *Сивуха С.В.* Социологическое пространство Пьера Бурдьё. Социальный капитал: [Электронный ресурс]. – URL: <http://bourdieu.name/content/social-capital> (дата обращения 07.02.2014).
9. *Градосельская Г.В.* Сетевые измерения в социологии: учеб. пособие / под ред. Г.С. Батыгина. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. 248 с.: [Электронный ресурс]. – URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/gradoselskaja_setevie/02.aspx (дата обращения 07.02.2014).
10. *Valenzuela S., Park N., Kee K.F.* Is there Social capital in a Social Network site?: Facebook use and college students' life satisfaction, trust and participation // *Journal of Computer-Mediated Communication* 14 (2009), P. 875–901: [Электронный ресурс]. – URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.2009.01474.x/pdf> (дата обращения 07.02.2014).
11. *Cederberg M.* Migrant networks and beyond: Exploring the value of the notion of social capital for making sense of ethnic inequalities // *Acta Sociologica*. 2012. Vol. 55, № 1. P. 59–72: [Электронный ресурс]. – URL: <http://asj.sagepub.com/content/55/1/59> (дата обращения 07.02.2014).

12. *Windzio M., Bicz E.* Are we just friends? Immigrant integration into high- and low-cost // *Rationality and Society*. 2013, № 25 (2). P. 123–145: [Электронный ресурс]. – URL: <http://rfs.sagepub.com/content/25/2/123.full.pdf+html> (дата обращения 07.02.2014).
13. *Бурдые П.* Некоторые свойства полей: [Электронный ресурс]. – URL: <http://bourdieu.name/content/nekotorye-svoystva-polej> (дата обращения: 07.02.2014).
14. *Бурдые П.* Университетская доска и творчество против схоластических делений: [Электронный ресурс]. – URL: <http://bourdieu.name/content/burde-universitetskaja-doksa-i-tvorchestvo-protiv-sholasticheskikh-delenij> (дата обращения: 07.02.2014).
15. *Friedkin Noah E.* University social structure and social networks among scientists // *American Journal of Sociology*. Vol. 83, № 6 (May 1978). P. 1444–1465.
16. *Scott L., Tomas A.* Social network approach to understanding students integration and persistence / *The Journal of Higher Education*. Vol. 71, № 5 (Sept.- Oct. 2000). P. 591–615.
17. *Noguers Pedro A.* Social Capital and the Education of Immigrant Students: Categories and Generalizations // *Sociology of Education*. Vol. 77, № 2 (Apr., 2004). P. 180–183: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jstor.org/page/info/about/policies/terms.jsp> (дата обращения: 07.02.2014).
18. *DiMaggio P., Garip F.* Network effects and Social Inequality // *Annu. Rev. Sociol.* 2012. 38. P. 93–118: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.annualreviews.org/doi/pdf/10.1146/annurev.soc.012809.102545> (дата обращения: 07.02.2014).

Samofalova Elena I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

SOCIAL NETWORKS AS A TOOL FOR STUDYING THE HIGHER EDUCATION STRUCTURE AND EDUCATIONAL MIGRATION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON

Key words: social networks, social capital, educational migration

The paper is devoted to the study of social networks in terms of the various sociological researches according to the phenomenon of educational migration in the system of higher education. The author concludes that for the purposes of the paper the most suitable theory is the theory of social capital of P. Bourdieu. Based on the results of sociological researches we can also conclude that educational migrant is inevitably included in the different types of social networks (university, student, group etc.), but the degree of interaction between them depends on both the objective and subjective reasons; the degree of social capital is also different. Educational migrant is obliged to acquire social, cultural and symbolic capital for successful integration into the social sphere of the university, and adopt necessary social practices for successful socialization. Academic and social integration of educational migrant are related to each other, but the level of academic integration is not the key factor for the migrant's education. Internet networks also have a significant impact on the process of integration of educational migrant.

References

1. *Isaev B.A.* Sociologiya^ kratkij kurs: [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.k2x2.info/obshestvoznaniye/sociologija_kratkij_kurs/index.php (data obrascheniya: 07.02.2014).
2. *Putham R.* Bowling alone: America's declining social capital // *Journal of democracy* 1995, № 6 (1). P. 65–78.
3. *Giulia La Matina.* Conflict migration and social networks: empirical evidence from Sri Lanka // *Rivista di Pilitica Economica*, November-Dicember 2008. P. 161–193: [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.rivistapoliticaeconomica.it/2008/nov-dic/pdf/Lamattina_en.pdf (data obrascheniya: 07.02.2014).
4. *Puwar N.* The radicalized somatic norm and the senior civil service // *Sociology*. 23 (3). 2001. R. 651–700.
5. *Granovetter M.* Sila slabyh svyazej: per. s angl. Z.V. Kotelnikova // `Ekonomicheskaya sociologiya. 2009. T. 10, № 4. S. 31–51.
6. *Davydenko V.A., Romashkina V.A., Chukanov V.S.* Modelirovanie social'nyh setej // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2005. № 1. S. 68–79.
7. *Artimovich D.A., Puzikov V.G.* Social'naya set' kak novaya forma organizacii social'nogo prostranstva // *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i social'nyh tehnologij*. 2012. № 1. S. 70–73.

8. *Sivuha S.V.* Sociologicheskoe prostranstvo P'era Burd'e. Social'nyj kapital: [Elektronnyj resurs]. – URL: <<http://bourdieu.name/content/social-capital>> (data obrascheniya 07.02.2014).
9. *Gradosel'skaya G.V.* Setevye izmereniya v sociologii: ucheb. posobie / pod red. G.S. Batygina. M.: Izdatel'skij dom «Novyj uchebnyk», 2004. 248 s.: [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://siblio.com/BIBLIO/archive/gradoselskaja_setevie/02.aspx> (data obrascheniya 07.02.2014).
10. *Valenzuela S., Park N., Kee K.F.* Is there Social capital in a Social Network site?: Facebook use and college students' life satisfaction, trust and participation // Journal of Computer-Mediated Communication 14 (2009), P. 875-901: [Elektronnyj resurs]. – URL: <<http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.2009.01474.x/pdf>> (data obrascheniya 07.02.2014).
11. *Cederberg M.* Migrant networks and beyond: Exploring the value of the notion of social capital for making sense of ethnic inequalities // Acta Sociologica. 2012. Vol. 55, № 1. P. 59–72: [Elektronnyj resurs]. – URL: <<http://asj.sagepub.com/content/55/1/59>> (data obrascheniya 07.02.2014).
12. *Windzio M., Bicz E.* Are we just friends? Immigrant integration into high- and low-cost // Rationality and Society. 2013, № 25 (2). R. 123-145: [Elektronnyj resurs]. – URL: <<http://rss.sagepub.com/content/25/2/123.full.pdf+html>> (data obrascheniya 07.02.2014).
13. *Burd'e P.* Nekotorye svoystva polej: [Elektronnyj resurs]. – URL: <<http://bourdieu.name/content/nekotorye-svoystva-polej>> (data obrascheniya: 07.02.2014).
14. *Burd'e P.* Universitetskaya doska i tvorchestvo protiv sholasticheskikh delenij: [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://bourdieu.name/content/burde-universitetskaja-doksa-i-tvorchestvo-protiv-sholasticheskikh-delenij> (data obrascheniya: 07.02.2014).
15. *Friedkin Noah E.* University social structure and social networks among scientists // American Journal of Sociology. Vol. 83, № 6 (May 1978). P. 1444–1465.
16. *Scott L., Tomas A.* Social network approach to understanding students integration and persistence / The Journal of Higher Education. Vol. 71, № 5 (Sept.- Oct. 2000). R. 591–615.
17. *Noguers Pedro A.* Social Capital and the Education of Immigrant Students: Categories and Generalizations // Sociology of Education. Vol. 77, № 2 (Apr., 2004). R. 180–183: [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.jstor.org/page/info/about/policies/terms.jsp> (data obrascheniya: 07.02.2014).
18. *DiMaggio P., Garip F.* Network effects and Social Inequality // Annu. Rev. Sociol. 2012. 38. P. 93–118: [Elektronnyj resurs]. – URL: <<http://www.annualreviews.org/doi/pdf/10.1146/annurev.soc.012809.102545>> (data obrascheniya: 07.02.2014).